

Оригинальная статья
УДК 17; 141.155; 316.3
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20>

Капитан Копейкин на распутье: условия (не)лояльности элит государственной власти в России

Сергей Иванович Филиппов

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
filippov.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9076-7173>*

Введение. В статье исследуются условия относительно высокой/низкой лояльности «подчинённых» (субъектов лояльности) к «начальству» (объектам лояльности) в различных институциональных контекстах. Лояльность рассматривается как переменная, включающая различные уровни поддержки или оспаривания подчиненными власти начальства. На основе неовеберовского подхода выдвинута гипотеза о факторах, укрепляющих лояльность: чем сильнее властная инстанция обеспечивает базовые социальные заботы подчиненных – безопасность, социальный статус и доход – тем выше их лояльность.

Методология и источники. Условия лояльности исследуются сопоставлением контрастных случаев высокой (остзейское рыцарство, сибирское и позднее донское казачество, белорусская позднесоветская элита) и низкой лояльности (яицкое и раннее донское казачество, ранняя грузинская аристократия, литовская позднесоветская элита).

Результаты и обсуждение. Базовые социальные заботы обеспечиваются структурами трех типов: а) иерархические военно- и гражданско-бюрократические институты; б) патрон-клиентские сети; в) самоуправляющиеся эгалитарные сообщества. Социализация в военно-бюрократических институтах государственной службы обеспечивает относительно высокий уровень лояльности по отношению к государственной власти и является наиболее предпочтительной для элит. Предпочтение представителями элит патрон-клиентских сетей и эгалитарных сообществ вызвано издержками военно-бюрократических институтов, в частности, дефицитом престижных позиций. Распространение престижного потребления как демонстрации высокого статуса, сохранение приемлемого для элит уровня благополучия, престижа и безопасности после выхода в отставку помимо служебного жалования снижают эти издержки.

Заключение. Уровень лояльности субъектов по отношению к объектам лояльности тем выше, чем меньше срок пребывания на престижных позициях, выше культурная, социальная, лингвистическая дистанция между субъектами лояльности и социальным окружением, а уровень влияния, власти, богатства отдельных субъектов лояльности существенно ниже, чем у объекта лояльности.

Ключевые слова: лояльность, элиты, социальные заботы, обеспечивающие структуры, государственная служба, патрон-клиентские сети, эгалитарные сообщества

Для цитирования: Филиппов С. И. Капитан Копейкин на распутье: условия (не)лояльности элит государственной власти в России // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20.

© Филиппов С. И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Conditions of (Dis)Loyalty of Elites to the State Authorities in Russia

Sergey I. Filippov

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia,
filippov.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9076-7173>*

Introduction. The article examines the conditions of relatively high/low loyalty of 'subordinates' (subjects of loyalty) to 'superiors' (objects of loyalty) in various institutional contexts. Loyalty is considered as a variable that includes different levels of support or challenge by subordinates to the authority of their superiors. Based on the Neoveberian approach, there has been put forward a hypothesis about the factors that strengthen loyalty: the stronger the authority ensures the basic social needs of subordinates – security, social status and income – the higher their loyalty.

Methodology and sources. The conditions of loyalty are studied by comparing contrasting cases of high (Ostsee knighthood (Baltic knighthoods), Siberian and later Don Cossacks, Belarusian late Soviet elite) and low loyalty (Yaik and early Don Cossacks, early Georgian aristocracy, Lithuanian late Soviet elite).

Results and discussion. Basic social needs are satisfied by three structures: a) hierarchical military and civil-bureaucratic institutions; b) patron-client networks; c) self-governing egalitarian communities. Socialization in the military-bureaucratic institutions of the civil service provides a relatively high level of loyalty to state power and is most preferred by the elites. Elite representatives' preference for patron-client networks and egalitarian communities is caused by the costs of military-bureaucratic institutions, in particular, a shortage of prestigious positions. The prestigious consumption as a demonstration of high status, maintaining an acceptable level of well-being, prestige and security acceptable after retirement/in addition to salary reduce these costs.

Conclusion. The higher the level of subjects' loyalty to the objects of loyalty, the shorter the period of stay in prestigious positions, the higher the cultural, social, and linguistic distance between the subjects of loyalty and the social environment, and the level of influence, power, and wealth of individual subjects of loyalty is significantly lower than that of the object of loyalty.

Keywords: loyalty, elites, social needs, support structures, state service, patron-client networks, egalitarian communities

For citation: Filippov, S.I. (2025), "Conditions of (Dis)Loyalty of Elites to the State Authorities in Russia", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20 (Russia).

Введение. Судьба персонажа повести-вставки в поэму «Мертвые души» – капитана Копейкина, героя войны 1812 г., превратившегося из верного слуги царю и отечеству в атамана банды разбойников – вовсе не гротеск, или поэтическое преувеличение. Подобные переходы – причем в обе стороны – в истории России не были редкостью. Лояльность элит государству (правителю или правительству) в России имела фундаментальное значение для самого ее существования, ведь наша страна на протяжении многих столетий существовала и продолжает существовать сегодня в форме полиэтнического и многоконфессионального государства, в котором одной из важнейших стратегий управления является взаимодействие центра с местными и центральными элитами, а обеспечение высокого уровня лояльности со стороны элит – предметом заботы центральной власти.

Актуальность исследования условий и механизмов лояльности высока в эпохи социальных и геополитических изменений, культурного многообразия и складывающейся многополярности современного мира.

Тем не менее лояльность рассматривается, скорее, не как самостоятельный многоуровневый феномен, а в качестве одного из аспектов различных процессов, явлений и отношений в сфере политики, психологии, экономики, морали¹. В социально-гуманитарных науках и психологии лояльность наиболее интенсивно исследуется в рамках социологии организации как принятие сотрудниками ценностей и норм собственного предприятия (в широком понимании этого термина) и идентификации с ним (Г. Беккер, Л. Джуэлл, В. Доминьяк, М. И. Магур, М. Б. Курбатов и др.), а также как один из аспектов потребительского поведения – приверженность покупателей тем или иным товарам, производителям и товарным маркам (Д. Джакоби, Д. Акер, Ф. Рейжельд, Г. И. Просветов и др.). В социальной и политической философии лояльность рассматривается как аспект солидарности (Э. Дюркгейм, Г. Мид, Р. Коллинз), легитимного господства (М. Вебер), принуждения (марксизм, М. Фуко) и др. Различные аспекты лояльности российских элит и населения по отношению к государственной власти исследуются в работах О. В. Гаман-Голутвиной, Г. М. Дерлугьяна, А. И. Миллера, С. В. Нефедова, Л. Ф. Писарьковой, В. А. Тишкова, С. В. Чешко, М. Гарселона, А. Каппелера, Т. Мартина, Д. Пономарева, Г. Симона, Г. Сунни и др. Тем не менее условия лояльности или нелояльности индивидов групп по отношению к сообществам разного типа вообще (этническим, конфессиональным, сословным, территориальным и др.) и государственным и властным институтам в частности, а также взаимосвязь между данными условиями и механизмы динамики лояльности остаются не до конца исследованными.

Понятие лояльности и исходная гипотеза. Понятие «лояльность» строится как переменная, включающая в себя различные уровни поддержки или оспаривания *субъектами лояльности* (условными «подчиненными» – индивидами, организациями, сообществами или социальными слоями со сходными установками и политическим поведением – *габитусом*) власти над ними *объектов лояльности* (условного «начальства» – вождя, монарха, правящей группы, центрального правительства и т. д.). Лояльность, таким образом, выступает как отношение, включающее в себя внутренние установки и внешнее поведение подчиненных акторов (субъектов). *Поведение* каждого актора (высказывания, публичные речи, объявленные решения, социальные и материальные действия), с одной стороны, управляется ранее обретенными *установками* [2]. С другой стороны, вовлеченность актора в политическое взаимодействие, особенно связанного с конфликтами, насилием или угрозами насилия, нередко существенно меняет его *установки*, а значит, и последующее *поведение*.

Для исследования условий лояльности используется весьма распространенная в мировой философии и социологии концепция базовых социальных потребностей или забот как мотивов деятельности индивидов и сообществ. Под социальной заботой понимается устойчивый комплекс переменных, значимых для индивидов или их сообществ [3, с. 35]. На основании универсалий неовеберианской политической социологии выделим базовые социальные заботы [4, с. 17–35]: приемлемый социальный статус и символический престиж

¹ Морально-философскому анализу лояльности как самостоятельному феномену посвящена, пожалуй, одна работа – «Философия морали» Д. Ройса (1908) [1].

(честь, достоинство, причастность к сакральным символам того или иного сообщества); безопасность; материальное или экономическое благополучие; участие в принятии решений (причастность к власти). Функциональная модель А. Стинчкомба описывает механизм удовлетворения базовых социальных забот. Это происходит благодаря активности *обеспечивающих структур* – установок сознания и поведения, социальных практик, институтов с правилами взаимодействия (далее *обеспечивающие сообщества*). Но активность обеспечивающей структуры может сопровождаться издержками, которые растут по мере увеличения ее интенсивности [5, р. 80–99; 3, с. 33].

Исходное предположение состоит в том, что лояльность подчиненных (субъектов лояльности) по отношению к начальству/авторитетным инстанциям (объектам лояльности) тем выше, чем более первые видят в лице вторых инстанцию, или обеспечивающее сообщество, которое удовлетворяет их базовые социальные потребности или заботы – надежно предоставляет им социальный статус с соответствующими гарантиями безопасности, символическим престижем и достойным благосостоянием, доступом к экономическим ресурсам.

Целью исследования является проверка общей гипотезы, уточнение условий лояльности подчиненных (субъектов лояльности – элит – по отношению к начальству – объектам лояльности), а также исследование специфики реализации инвариантных причинных факторов лояльности в различных институциональных контекстах.

Методология и источники. Проверка общей гипотезы и уточнение причин динамики лояльности осуществлялась сопоставлением контрастных случаев с относительно высоким и низким уровнями лояльности элит в разные периоды российской истории. Объединенные в пары случаи сходны друг с другом по существенным признакам: исторический период и/или регион проживания, доля элит в общем населении, и др. При этом они резко отличаются друг от друга по уровню лояльности в отношении центральной власти (таблица).

Пары контрастных случаев
Pairs of contrasting cases

Случаи с относительно низким уровнем лояльности	Случаи с относительно высоким уровнем лояльности
Польская шляхта (XIX – начало XX вв.)	Остзейское рыцарство (XVIII – начало XX вв.)
Донское казачество (XVII в.)	Донское казачество (XIX – начало XX вв.). Сибирское казачество (XVII – начало XX вв.)
Яицкое казачество (XVI – первая половина XVIII вв.)	«Держава» Строгановых (XVI – XVII вв.)
Сербские граничары Краины (империя Габсбургов, XVII – первая половина XIX вв.)	Граничары Новой Сербии (Российская империя, середина XVIII в.)
Грузинская элита (первая треть XIX в. (до наместничества М. С. Воронцова на Кавказе)	Грузинская элита (середина XIX – начало XX в.)
Горская знать до середины XIX в.	Горская знать после присоединения Кавказа к Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.)
Литовская позднесоветская элита (конец 1980-х – начало 1990-х гг.)	Белорусская позднесоветская элита (конец 1980-х – начало 1990-х гг.)

Кроме того, проанализированы некоторые случаи с различным уровнем лояльности по отношению к государственной власти: дворяне и разночинцы – участники революционного движения (60–70 гг. XIX в. – относительно низкий уровень лояльности), офицеры импера-

торской гвардии начала XX в. (относительно высокий уровень лояльности). Результаты анализа представлены в ряде публикаций [6–8; 9, с. 303–308; 10; 11].

В процессе обобщения объяснений относительно высокого и относительно низкого уровней лояльности элит государственной власти были выявлены сообщества, обеспечивающие базовые заботы элит, а также условия предпочтения обеспечивающих сообществ того или иного типа.

Результаты и обсуждение. *Обеспечивающие сообщества и лояльность элит государственной власти.* Сообщества, обеспечивающие базовые социальные потребности (заботы) представителей элит относятся к трем типам – иерархические военно-бюрократические институты государственной службы, патрон-клиентские сети, основанные на личной преданности клиентелы патрону и эгалитарные сообщества [12].

Социализация в рамках обеспечивающего сообщества того или иного типа предполагает формирование особенного габитуса – комплекса установок сознания и поведения, ассоциируемого с принадлежностью к той или иной социальной группе. Для успешной карьеры в военно-бюрократических институтах государственной службы востребованы такие качества, как дисциплинированность, аккуратность, исполнительность, контроль над эмоциями, сдерживание агрессии. В патрон-клиентских сетях ценятся отношения безусловной преданности, верности главе клана или клиентеле, ради чего не только допустимо, но и необходимо явно пренебрегать формальными нормами и ритуалами. Поведенческие нормы и морально-ценностные качества членов эгалитарных сообществ – обостренное чувство собственного достоинства, подчеркнутая агрессивность как средство демонстрации и защиты статуса, вольнолюбие – также мало совместимые с чиновничьими добродетелями послушания и почитания начальства.

Относительно высокий уровень лояльности элит по отношению к государственной власти (правителю или правительству) обеспечивается их социализацией в рамках военно-бюрократических институтов – ведь габитус образцового государственного служащего не предусматривает никакого бунтарства. Яркий пример лояльных элит, ориентированных на государственную службу, представляет немецко-балтийское рыцарство. В условиях слабости государственных институтов как структур, обеспечивающих благосостояние и приемлемый уровень потребления, альтернативой для прибалтийского дворянства стало поступление на государственную службу за пределами своего региона. На русской службе остзейцы нередко занимали высокие посты и пользовались доверием со стороны верховной власти. Такой карьерный успех был возможен благодаря документально подтвержденному статусу, зафиксированному в матрикулах (списках рыцарских родов), а также особому остзейскому габитусу: дисциплинированности, аккуратности, исполнительности и, конечно, лояльности [6].

Если представители элит или претенденты в элиту предпочитают (вынужденно или добровольно) социализацию в эгалитарных сообществах или участие в патрон-клиентских сетях, то их уровень лояльности по отношению к государственной власти, официальным ценностям, символам и нормам поведения относительно низок. Таким образом, исследование условий предпочтения представителями элит (претендентов в элиту) обеспечивающего сообщества того или иного типа позволит выявить условия их лояльности по отношению к условному начальству и, в частности, условия лояльности (относительно высокого и низкого его уровня) элит государственной власти.

Почему элиты предпочитают военно-бюрократические институты. Военно-бюрократические институты являются для элит наиболее предпочтительными структурами, обеспечивающими их базовые социальные заботы. Это объясняется спецификой статусов, присваиваемых государственным служащим в организациях такого рода. Бюрократические статусы относительно устойчивы, т. е., будучи однажды приобретены (присвоены), как правило, не предполагают постоянного подтверждения. Они универсальны, т. е. пользуются признанием на территории, подконтрольной государственной юрисдикции, часто – шире. Кроме того, бюрократические статусы имеют формальный (символический) характер [13, с. 256–263], что опять-таки, освобождает их обладателей от необходимости подтверждать собственный престиж, достоинство и право на уважение со стороны окружающих реальными действиями, которые с большой долей вероятности сопряжены с насилием, агрессией и несут существенные риски как для собственной жизни, так и для жизни других людей, так или иначе «задевающих» честь обладателя статуса. Таким образом, перечисленные особенности статусов, присваиваемых в военно-бюрократических институтах государственной службы, увеличивают безопасность их обладателей, зачастую обеспечивают возможность передачи по наследству самих статусов и тех благ, которые они обеспечивают.

Статусы в патрон-клиентских сетях и эгалитарных сообществах не имеют формального (символического) характера. Они присваиваются индивидам их ближайшим социальным окружением и релевантны лишь в рамках данного окружения и в той мере, в какой оно готово признавать статус индивида, т. е. демонстрировать почет, оказывать знаки уважения, принимать как равного, либо уступать его притязаниям. Поэтому члены патрон-клиентских сетей и особенно эгалитарных сообществ вынуждены постоянно подтверждать и доказывать, что они достойны искомого статуса в том числе агрессивным поведением, подвергая и свою, и чужую жизнь риску, а также нарушением общепринятых норм поведения. В качестве примера можно привести привилегированное сословие Речи Посполитой – польско-литовскую шляхту. Внутри шляхты отсутствовала иерархия, все члены этой социальной группы были формально равны, но фактически делились на богатых и могущественных магнатов и в подавляющем большинстве малоземельных или вовсе безземельных чиншевиков, арендующих землю за символическую плату у «своего» патрона-помещика, оказывая ему разного рода услуги, в том числе поддержку в сеймах и сеймиках – органах управления шляхетской республикой, а также в составе его частной армии и администрации. Статус шляхтича не был документально оформлен и подтверждался преимущественно агрессивным поведением, готовностью вступить в поединок с любым, кто усомнится в его благородстве или пытается утвердить собственное превосходство. Так возникает знаменитый «шляхетский гонор» – обостренное чувство чести, собственного достоинства и исключительности, неготовность подчиняться и готовность взяться за оружие по малейшему поводу, пренебрежение к собственной и чужой жизни [14, с. 113].

Не удивительно, что наиболее авторитетные и состоятельные члены неформальных эгалитарных сообществ склоняются к соглашению с властью, обмену вольностей на формальные статусы, гарантии благополучия и передачи всего этого по наследству, а также на лояльность правителю или правительству. Так поступала казацкая старшина Запорожского, Донского, Яицкого войск в обмен на дворянские чины, звания, право владения землей и крепостными, оказывая содействие государственной власти в ликвидации казацкого самоуправления.

Издержки военно-бюрократических институтов в качестве обеспечивающих сообществ. Тем не менее издержки военно-бюрократических институтов приводят к тому, что представители элит подчас предпочитают социализацию в эгалитарных сообществах и патрон-клиентских сетях, проявляя относительно низкий уровень лояльности по отношению к официальной власти.

Формальный статус, присваиваемый в военно-бюрократических институтах и связанный с ним габитус государственного служащего – дисциплинированность, исполнительность, контроль агрессии и аффектов – поддерживают на приемлемом уровне важнейшие социальные заботы элит – безопасность и стабильность своего положения. С другой стороны, относительная безопасность государственных служащих приводит к росту числа претендентов на престижные позиции государственной службы. Представители элит живут дольше, что вместе с универсальными и не предполагающими никаких сомнений основаниями занимать то или иное место в иерархии приводит к увеличению продолжительности пребывания на престижных позициях. Становится меньше вакансий, замедляется вертикальная социальная мобильность. В условиях дефицита престижных позиций на госслужбе обедневшим представителям благородных сословий приходится идти на низшие бюрократические должности, которые прежде считались не совсем достойными «благородного человека». В данной ситуации в проигрыше остаются претенденты в элиту – «разночинцы» – которые ранее и занимали низшие позиции на государственной службе.

Относительно продолжительный срок пребывания на престижных позициях ведет к еще одной издержке военно-бюрократических институтов – появлению влиятельных акторов. Это индивиды или группы, обладающие силовыми, властно-организационными, финансово-экономическими ресурсами, объем которых сопоставим или даже превышает ресурсы, находящиеся в распоряжении официальной власти².

В качестве противодействия издержкам институтов госслужбы, в частности, дефициту престижных позиций могут предприниматься действия двух типов: 1) меры, которые призваны уменьшить число претендентов, каким-либо образом затруднить приобретение престижного статуса; 2) сокращение продолжительности пребывания на престижных позициях.

Количество претендентов на престижные позиции сокращается в результате ужесточения требований для вхождения в элиту (повышение срока выслуги, введение ограничений по этническому, религиозному, социальному и иным признакам) либо в результате физиче-

---

² Практики, которые препятствовали возникновению влиятельных акторов, были распространены в разное время в сообществах разного типа. Войсковые должности у казаков были выборные. Накоплению богатства и передача его по наследству препятствовала традиция пренебрежительного отношения к материальным благам (казаки охотно раздавали добычу, хоронили своих товарищей завернутыми в дорогие персидские ковры [15, с. 110]). В так называемых «демократических» обществах Кавказа (Чечня и Дагестан) местное население просто уничтожило всю аристократию. В «аристократических» обществах (Адыгея) богатство, власть и сама продолжительность жизни представителей элит ограничивались обычаями. Свободные крестьяне зачастую были богаче знати, поскольку основной, но совершенно нестабильной статьей дохода война была добыча, захваченная в набегах. В Черкесии местная знать не возводила крепостей и замков, что очень романтично объяснялось следующим образом (в пересказе иностранного путешественника, жившего в конце XV – начале XVI в.): «Их жилища все делаются из соломы, камыша и дерева, и весьма считалось бы зазорным для сеньора или знатного человека, если бы он выстроил замок или жилище с крепкими (каменными) стенами, ибо говорят, что благодаря этому человек обнаруживает свою низость и трусость... и нет ни одной, даже самой маленькой крепости во всей стране» [16, с. 80].

ского уничтожения претендентов/обладателей престижных позиций (репрессии, внутренние и внешние войны)³.

Ужесточение требований для вхождения в элиту, в частности повышение срока выслуги для приобретения престижного статуса (в Российской империи порог приобретения дворянства за выслугу повышался в 1845 г. и 1856 г.) способствует тому, что претенденты дольше не уходят в отставку, и количество вакансий продолжает лишь сокращаться.

Сокращение срока службы на престижных позициях⁴ без явной угрозы для самих служащих и без падения привлекательности военно-бюрократических институтов для представителей элит происходит в том случае, если государственная служба выступает в качестве престижной, но обременительной практики. Обременения связаны не только (и не столько) с тяготами военной и гражданской службы, сколько с разорительным престижным потреблением (жизнь в столице, участие в светских мероприятиях, регулярное посещение самых дорогих ресторанов, путешествия за границу и др.), а также с ограничениями иного рода, например, в выборе брачных партнеров. Примером выступает служба в гвардии в императорской России. Гвардейский офицер, занимая одну из самых престижных позиций в служебной иерархии и обществе, тем не менее с трудом сводил концы с концами. В начале XX в. ему необходимо было владеть двумя-тремя лошадьми, купленными за собственный счет. Гвардейский офицер не мог сидеть в театре на недорогих местах, торговаться с извозчиком, он был обязан совершать покупки в строго определенных магазинах, конечно, в самых престижных и дорогих. Он приобретал украшения для своей возлюбленной-балерины только у Фаберже, заказывал лишь дорогое шампанское, оплачивая всю бутылку, даже если выпивал лишь бокал, не мог жениться не на дворянке [17, с. 13–15]. Очевидно, что пребывание в гвардии, связанное с чрезмерными финансовыми расходами, для большинства офицеров не могло продолжаться долго. «Выйдя из полка», офицеры делали успешную карьеру на гражданской или военной службе, выгодно женились.

³ Прямые репрессии или их угроза со стороны центральной власти (правителя) в отношении элит как средство обеспечения лояльности последних имеет серьезные издержки, поскольку воспринимаются объектами репрессий как угроза их благополучию и самой жизни. Представители элит, воспринимающие репрессии как опасность, могут устраивать заговоры и смещать правителя (убийство Павла I, смещение Н. С. Хрущева). Репрессии, которые не угрожают власти самого их инициатора, возможны в отношении уже лояльных элит, не располагающих значимыми ресурсами, прежде всего силовыми, отчужденными в социальном и культурном отношении от местного населения. Таким образом, антиэлитные репрессии не увеличивают уровень лояльности их (потенциальных) жертв.

⁴ Так же, как и формирование влиятельных акторов, относительно продолжительное пребывание на престижных позициях является вызовом для стабильного существования не только военно-бюрократических институтов, но и эгалитарных сообществ и, собственно, патрон-клиентских сетей. Но в сообществах с неформальным статусом габитус их членов (социально одобряемые нормы демонстративной агрессивности, пренебрежения к собственной и чужой жизни, что создает высокие риски для обладателей такого статуса) является достаточно эффективным способом борьбы с издержками такого рода. Так, образ жизни черкесской родовой знати был связан с высоким риском для жизни и предполагал обязательное участие в набегах и поединках, существенно ограничивая численность местных элит: «До покорения Кавказа пожилой дворянин, и особенно князь, были в Черкесии большой редкостью» [16, с. 103]. Относительно непродолжительный срок пребывания на престижных позициях обеспечивался также сменяемостью лиц, их замещающих посредством регулярных выборов. Выборными были казацкие чины – гетман, атаман, писарь и др. При этом выборы сопровождались конфликтами и насилием. Очевидно, что такого рода меры противодействия издержкам относительно продолжительного пребывания на престижных позициях едва ли приемлемы в военно-бюрократических институтах государственной службы, ведь они предполагают относительно низкий уровень защищенности, нивелируя достоинства формального статуса.

Широкое распространение практик престижного потребления среди элит как способ демонстрации и подтверждения высокого статуса истощает финансово-экономические ресурсы, которые могли бы инвестироваться в административно-политическое и силовое влияние, а также способствует сохранению относительно высокой дистанции между элитами и народом и между различными элитными стратами. Социальное и культурное отчуждение такого рода препятствует созданию коалиций, появлению влиятельных акторов, которые могли бы бросить вызов государственной власти и таким образом также увеличивает лояльность элит⁵. Отчуждению элит и народа, помимо распространения престижного потребления, в особенности способствует выполнение первыми карательных или фискальных функций при непосредственном контакте с объектами принуждения. Примерами здесь являются казаки в конце XIX – начале XX в., активно используемые в подавлении внутренних беспорядков, евреи – сборщики налогов и администраторы в имениях польско-литовских магнатов, немцы-управляющие в имениях русских помещиков.

Относительно непродолжительному сроку службы способствует также сохранение приемлемого для элит уровня благополучия, престижа и безопасности после выхода в отставку (помимо служебного жалования), в том числе за счет привилегированного доступа к государственным и частным кредитно-финансовым институтам и спецраспределителям (в советский период). Примером того, как распространение практик престижного потребления вместе с доступностью источников их финансирования укрепляет лояльность элит по отношению к государственной власти, является изменение отношения своевольной и оппозиционно настроенной грузинской знати к власти метрополии в середине–второй половине XIX в. В период наместничества М. С. Воронцова распространяется весьма затратный образ жизни русского дворянства – балы, театры, путешествия, заграничные яства и вина и др. Возросшие траты финансируются жалованием на госслужбе, кредитами дворянского банка, усилением эксплуатации крестьян, что увеличивает социальную и культурную дистанцию между грузинской знатью и социальным окружением (некогда между князем и его крестьянами господствовали, скорее, покровительственные патриархальные отношения) и в целом ее зависимость от государства [19, с. 176–181].

Приведем противоположный пример, как сокращение источников доходов помимо службы и рост зависимости благополучия элит от жалования приводит к увеличению срока пребывания на службе, уменьшению привлекательности институтов государственной службы и, как следствие, к падению лояльности представителей элит/претендентов к государственной власти. Это подъем революционного движения и волна антиправительственного террора в Российской империи 1860-х–1870-х гг., апогеем которой стало убийство Александра II. Антиправительственная деятельность осуществлялась прежде всего разночинцами и дворянами. С чем связана высокая степень нелояльности этих социальных групп? В 1856 г. повышен срок службы для достижения дворянского звания, что привело к тому, что соискатели дворянства дольше не уходят в отставку, вакансии на госслужбе не освобождаются. Отмена крепостного права «монетизировала» привилегии дворянства, серьезно подорвав материальное положение многих представителей этого сословия. Дело не

⁵ Относительно высокая социокультурная дистанция между членами «своей» группы и ее окружением является условием обеспечения солидарности и лояльности не только в военно-бюрократических институтах государственной службы, но и в обеспечивающих сообществах иных типов. Шляхтичи, имеющие самое разное этническое и конфессиональное происхождение, тем не менее воспринимали себя в качестве потомков сарматов [18]. Столь же пестрое в этническом отношении казачество вело свое происхождение от готы, хазар, бродников.

только в лишении бар дармовой рабочей силы после освобождения крестьян. Выкуп крестьянских земель, который должен был стать своего рода компенсацией их бывшим владельцам, происходил за вычетом дворянских долгов перед государственными банками (т. е. дворянам пришлось оплатить кредиты, чего они никогда не сделали бы без реформы). Оставшаяся сумма выплачивалась дворянам не деньгами, а своего рода облигациями, которые лишь в перспективе подлежали обмену на рубли. Стоимость этих ценных бумаг падала и составила вскоре лишь 66 % от номинала. Государство также прекратило льготное кредитование помещичьих хозяйств. Землевладельцам приходилось продавать свои поместья. В 1862–1877 гг. в Европейской России 12 % дворянских земель перешло в руки других сословий, в некоторых регионах (например, в Тульской губернии) дворянское землевладение сократилось на половину [20, с. 358]. В сложившихся условиях для многих представителей дворянства, лишившихся крепостных, льготных субсидий и, в конце концов, имений, жалование на службе стало едва ли не единственным источником существования. Отпрыски семей мелкого дворянства начали претендовать на низшие классы государственной службы, которых благородное сословие прежде чуралось. Служба с XIV класса была традиционно привлекательна для выходцев из разночинной среды как начало пути к приобретению дворянства. Появление новых претендентов в лице дворянских сыновей усилило для разночинцев конкуренцию за места на госслужбе. Приобретение сразу X класса без выслуги лет гарантировало получение высшего образования. Именно в университеты и пошли дети обедневших дворян, и здесь составив конкуренцию разночинцам. Рост конкуренции за места в университетах и на государственной службе снижал привлекательность последней как структуры, обеспечивающей базовые заботы и разночинцев, и дворян. Для дворян и учеба в университете и, в особенности перспектива стать «кувшинным рылом», зарабатывая на жизнь где-то в присутствии, считалась не вполне достойным сословия занятием. Все это приводило к фрустрации, росту недовольства существующим строем и подталкивало к социализации в рамках иных обеспечивающих структур, в том числе, в революционных и террористических сообществах и кружках.

Фазы динамики лояльности представителей элит государственной власти в логике функциональной модели А. Стичкомба иллюстрирует рис. 1.

Условия предпочтения патрон-клиентских сетей и эгалитарных сообществ. Патрон-клиентские сети формируются вокруг влиятельных акторов – индивидов или сообществ, ресурсы которых (богатство, властные полномочия, авторитет и др.) сопоставимы или превосходят влияние и авторитет официально-государственных структур.

Влиятельные акторы формируются под влиянием следующих обстоятельств:

1. *Организация производства и поставок продукции, востребованной на внешних рынках.* Примером здесь выступают польско-литовские магнаты, инвестировавшие доходы от производства зерна на плодородных черноземах Украины и поставок его на рынки Европы в силовые ресурсы (частные армии) и политическое влияние⁶.

---

⁶ Если производство и/или сбыт приносящей прибыль продукции осуществляется при государственной поддержке, то это укрепляет лояльность производителей такой продукции государству. Строгановы создали свое на добыче и продаже соли. Этот продукт не был востребован на внешних рынках: производство заграничной соли обходилось дешевле. Протекционистская политика властей – введение соляной монополии, которая была отдана в основном Строгановым, обогатила династию соледобытчиков и сделала их верными слугами престола [11, с. 146]. В послевоенное время в советской Белоруссии интенсивно развивается промышленное производство, в частности машиностроение. Предприятия были удалены как от конечного потребителя, так и от источников сырья. Сети получения ресурсов и сбыта продукции через поддержку союзного центра стали структурами, обеспечивающими благосостояние и высокую лояльность местных элит [10, с. 148].

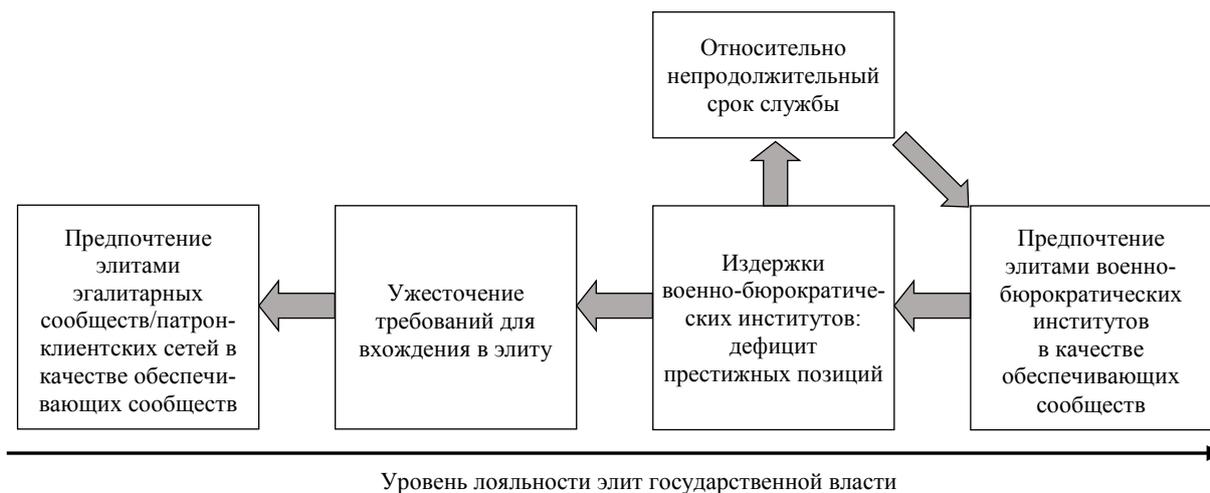

Рис. 1. Фазовая модель динамики лояльности элит государственной власти
Fig. 1. Phase model of the dynamics of loyalty of elites to the government

2. *Относительно продолжительное пребывание на престижных позициях.* Это способствует концентрации власти и влияния, «обрастанию» клиентелой «снизу» и покровительством «сверху», обеспечивая возможность передачи ресурсов биологическим или идейным наследникам. Так, вокруг первого секретаря литовской компартии А. Снечкуса, занимавшего свой пост с 1940 г. до своей смерти в 1974 г. и пользовавшегося высочайшим авторитетом у союзного руководства (могущественный секретарь ЦК по идеологии М. А. Сулов был его другом), складывается сильная патронажная сеть, куда «чужим» доступ был закрыт, в том числе ставленникам Москвы.

3. *Высокая степень политико-административной автономии акторов от власти высшего уровня,* например, относительная независимость от местной власти при непосредственном подчинении центру (из-за секретности сферы деятельности, подконтрольной акторам или отношений дружбы/родства с представителями центральной власти). Пример формирования автономной от местной власти патронажной сети на основе благорасположения верховной власти – карьера выходца из Габсбургской империи сербского полковника И. Хорвата. В 1851 г. группа сербских офицеров во главе с Хорватом обратилась к русскому послу в Австрии М. П. Бестужеву-Рюмину с предложением организовать переселение сербских граничар в Россию для организации защиты рубежей империи. Чтобы принять сербов в Новороссийском крае была создана специальная административная единица, подчиняющаяся напрямую Военной коллегии и пользующаяся автономией от местной власти – Новая Сербия. Вместо охраны рубежей и участия в военных действиях граничары предпочитали грабить население соседних волостей, совершать разбойничьи набеги на территорию Речи Посполитой и постоянно просить средства у центрального правительства. Безнаказанности представителей новой военно-служилой группы способствовало покровительство лично Елизаветы Петровны, автономия от местной власти и регулярные субсидии из казны. И. Хорват, получивший на русской службе генеральский чин, превратился в типичного влиятельного актора, располагавшего политико-административными, силовыми и финансовыми ресурсами, превосходящими ресурсы местной власти. После смерти Елизаветы Петровны Хорват лишился своей главной поддержки, был отдан под суд, а Новая Сербия лишилась своей автономии [9, с. 303–308; 21].

При определенных обстоятельствах издержками военно-бюрократических институтов может стать их тесная связь с государством. Сфера их использования и полномочия, как правило, строго ограничены как национальным, так и международным правом. Их применение за пределами государственной территории либо в районах с неопределенным государственным статусом, особенно связанное с насилием, может существенно подорвать престиж государства. В таких случаях функции государственных институтов могут быть делегированы центральной властью местным элитам, что нередко связано с предоставлением им существенных ресурсов, в том числе *относительно высокой степени автономии и свободы действий*. Таким образом, успешный контроль территорий с относительно нелояльным по отношению к метрополии населением/неопределенным государственным статусом является еще одним условием относительно высокого влияния местных элит. Яркий пример – все та же литовская позднесоветская элита во главе с первым секретарем ЦК КПЛ А. Снечкусом, пользовавшимся высочайшим авторитетом и доверием со стороны союзной власти за жесткую и последовательную политику советизации после войны и эффективный контроль националистических настроений в более позднее время. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. литовская партийно-советская элита была уже не в состоянии сдерживать протесты в республике и таким образом потеряла в глазах Москвы право на власть в ЛССР. Не дожидаясь своего отстранения от управления, республиканская номенклатура перешла на сторону оппозиции [10].

Наконец, еще одной издержкой военно-бюрократических институтов является их ресурсоемкость. Там, где формирование разветвленной сети государственных учреждений нерентабельно с экономической точки зрения, административные полномочия передаются частным «подрядчикам». Например, Пермские земли в середине XVI в. были пожалованы в управление купцу Анике Строганову – родоначальнику богатейшей русской династии промышленников – на том основании, что они были «пусты, дики, леши и порозжи». Они не представляли интереса для местной администрации ни с точки зрения каких-либо ресурсов, ни в отношении перспектив сбора налогов с местного населения [22, с. 148]. Не удивительно, что в Пермском крае долгое время основным обеспечивающим сообществом для квалифицированных ремесленников, иконописцев, управленцев был «двор» Строгановых. Промышленники предоставляли защиту, благосостояние (в том числе и в старости) своей клиентеле в обмен на ее личную свободу. Все эти «представители местной элиты» были большей частью холопами Строгановых.

Наличие влиятельных акторов – существенное, но не достаточное условие формирования сильных патрон-клиентских сетей, которые невозможны без клиентелы. Клиентелу для сетей патронажа обеспечивает дефицит привлекательных для элит должностей на госслужбе/ограничение доступа к ним.

Условием формирования эгалитарных сообществ помимо недостаточного количества вакансий на госслужбе является распространение практик/институтов, которые препятствуют формированию влиятельных акторов – традиции регулярного переизбрания должностных лиц, пренебрежительное отношение к богатству, перераспределение добычи, как это было у вольных казаков и др.

Заключение. Обеспечивающие сообщества разных типов – военно-бюрократические институты, патрон-клиентские сети и эгалитарные сообщества формируют у своих членов различные габитусы: мировоззренчески-ценностные нормы и правила поведения, предполагают раз-

ные стратегии социализации и образы социального успеха. Тем не менее выделены инвариантные условия предпочтения обеспечивающего сообщества и, соответственно, лояльности тому, кто это сообщество воплощает (обобщенное «начальство» – правитель или правительство, патрон, относительно узкий круг равных по статусу, «товарищество»). Уровень лояльности субъектов по отношению к объектам лояльности (правителю или правительству, начальству, патрону, своей группе и др.) тем выше, чем меньше срок пребывания на престижных позициях, выше культурная, социальная, лингвистическая дистанция между субъектами лояльности и социальным окружением, а уровень влияния, власти, богатства отдельных субъектов лояльности существенно ниже, чем у объекта лояльности. При этом чем выше срок пребывания на престижных позициях, тем выше уровень влияния, власти, богатства тех, кто эти позиции занимает.

То, как реализуются эти инвариантные условия, зависит от типа обеспечивающего сообщества. В военно-бюрократических институтах государственной службы с их формальными статусами и относительно высоким уровнем защищенности непродолжительное пребывание на престижных должностях обеспечивается обременительными практиками престижного потребления, серьезными ограничениями (например, высокими требованиями к выбору брачных партнеров), а также возможностью сохранения приемлемого уровня потребления, престижа, защищенности после выхода в отставку. Следование практикам престижного потребления, а также выполнение элитами репрессивных функций, обеспечивают относительно высокую социальную и культурную дистанцию между ними и народом и препятствуют формированию влиятельных акторов.

В патрон-клиентских сетях и особенно эгалитарных сообществах относительно непродолжительный срок службы обеспечивается практиками и установками сознания и поведения, характерными для сообществ с неформальным статусом. Это – относительно высокий уровень агрессивности, низкий уровень дисциплинированности и готовности подчиняться, выборность должностных лиц, пренебрежительное отношение к богатству. Неприятие формальных норм и правил взаимодействия и демонстративное их нарушение создает относительно высокую дистанцию между членами неформальных сообществ и социальным окружением – обывателями, которые обычно разделяют общепринятые нормы.

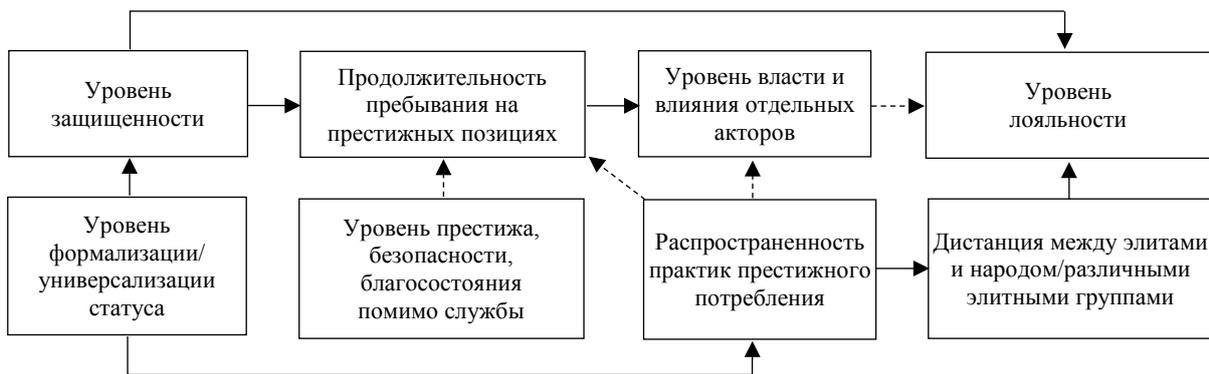

Рис. 2. Условия лояльности «подчиненных» (субъектов лояльности) к «начальству» (объектам лояльности)
Fig. 2. Conditions of loyalty of “subordinates” (subjects of loyalty) to “superiors” (objects of loyalty)

Условия лояльности подчиненных (субъектов лояльности) к начальству (объектам лояльности) иллюстрирует схема (рис. 2) где прямые линии обозначают усиливающее воздействие соответствующего фактора, а пунктирные – ослабляющее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Royce J. The Philosophy of Loyalty. Charleston: BiblioLife, 2008.
2. Розов Н. С. Ритуалы, институты и ресурсы: социальные основы трансформации менталитета // Ценности и смыслы. 2010. № 5 (8). С. 50–67.
3. Розов Н. С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали когнитивные и речевые способности. Новосибирск: Манускрипт, 2022.
4. Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы / пер. с англ. Д. Ю. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: Дело, 2020.
5. Stinchcombe A. Constructing Social Theories. NY, Chicago, San Francisco: Harcourt, Brace and World, 1968.
6. Филиппов С. И. Условия лояльности «национальных» элит в имперский период российской истории // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: материалы V Всерос. социологического конгресса, Екатеринбург, 19–21 окт. 2016 г. / М.: Российское общество социологов, 2016. С. 5406–5414.
7. Филиппов С. И. Условия ответственности военно-гражданской администрации России (XVII – начало XX в.) // Вестн. ОмГУ. 2019. Т. 24, № 1. С. 111–117. DOI: 10.25513/1812-3996.2019.24(1).111-117.
8. Филиппов С. И. Насилие как инструмент социальной мобильности (на материале взаимоотношений центральной власти и этносов Северного Кавказа (XIX – начало XX в.)) // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: труды II Всерос. науч. конф., Н. Новгород, 29 нояб. – 1 дек. 2019 г. / Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. С. 274–277.
9. Революционные волны в ритмах глобальной модернизации / Н. С. Розов, Ю. А. Пустойт, С. И. Филиппов, В. В. Цыганков. М.: КРАСАНД, 2019.
10. Филиппов С. И. Условия лояльности национальных элит к центральной власти в советский период российской истории // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 4. Ч. 1. С. 230–248. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-230-248.
11. Филиппов С. И. Условия лояльности военно-служилой и торгово-промышленной администрации по отношению к центральной власти // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 2. Ч. 2. С. 391–408. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-391-408.
12. Розов Н. С. Филиппов С. И. Лояльность местных элит центральной власти: общие закономерности и институциональные контексты // Вестн. ТомГУ. Сер. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 193–203. DOI 10.17223/1998863X/77/16.
13. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1. Социология / пер. с нем. под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: Изд-во ВШЭ, 2016.
14. Селицкий А. И. Польская шляхта в социально-правовой системе Российской империи // Поляки в России: XVII–XX вв.: материалы Междунар. науч. конф., Краснодар, 10–11 июля 2002 г. / КубГУ. Краснодар, 2003. С. 113–116.
15. Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1996.
16. Бгажноков Б. Х. Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 78–104.
17. Лурье Л. Я. Петербург накануне революции. М.: Бомбора, 2018.
18. Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002.
19. Дерлугьян Г. М. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2013.
20. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ: в 2 т. Т. I. С древнейших времен до Великой Смуты. М.: Территория будущего, 2010.
21. Костяшов Ю. В. Генерал Иван Хорват – сербский авантюрист на русской службе (вторая половина XVIII века) // Славяноведение. 2012. № 2. С. 34–41.
22. Введенский А. А. Дом Строгановых. М.: Соцэкгиз, 1962.

Информация об авторе.

Филиппов Сергей Иванович – кандидат философских наук (2003), доцент кафедры романо-германской филологии Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, д. 2, Новосибирск, 630090, Россия. Автор 52 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная и политическая философия, лояльность, межкультурные взаимодействия.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.12.2024; принята после рецензирования 10.12.2024; опубликована онлайн 21.04.2025.

REFERENCES

1. Royce, J. (2008), *The Philosophy of Loyalty*, BibliLife, Charleston, USA.
2. Rozov, N.S. (2010), "Rituals, Institutions, and Resources: the Bases for Transformation of Mentality", *Values and Meanings*, no. 5 (8), pp. 50–67.
3. Rozov, N.S. (2022), *Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya. Kak sotsial'nye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhda-li kognitivnye i rechevye sposobnosti* [Origin of language and consciousness. How social orders and communicative preoccupations gave rise to cognitive and verbal abilities], Manuskript, Novosibirsk, RUS.
4. Mann, M. (2020), *The Sources of Social Power. 4 t. Vol. 3: Global Empires and Revolution, 1890-1945*, Transl. by Karasev, D.Yu., in Moiseev, S. (ed.), Delo, Moscow, RUS.
5. Stinchcombe, A. (1968), *Constructing Social Theories*, Harcourt, Brace and World, NY, Chicago, San Francisco, USA.
6. Filippov, S.I. (2016), "Conditions of Loyalty of "National" Elites in the Imperial Period of Russian History", *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'* [Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice], *Materialy V Vseros. sotsiologicheskogo kongressa* [Materials V All-Russian Sociological Congress], Ekaterinburg, 19–21 Oct. 2016, Russian Society of Sociologists, Moscow, RUS, pp. 5406–5414.
7. Filippov, S.I. (2019), "Conditions of the responsibility of irregular troops in Russia (17th – early of 20th century)", *Herald of Omsk University*, vol. 24, no. 1, pp. 111–117. DOI: 10.25513/1812-3996.2019.24(1).
8. Filippov, S.I. (2019), "Violence as means of social mobility (based on the relationship between the central government and the ethnic groups of the North Caucasus (19th – early 20th century)", *Revolutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kulture, sotsiume* [Revolution and evolution: models of development in science, culture, society], *Trudy II Vseros. nauch. konf.* [Proc. II All-Russian Scientific Conf.], Nizhnii Novgorod, RUS, 29 Nov. –1 Dec. 2019, Krasnaya lastochka, N. Novgorod, RUS, pp. 274–277.
9. Rozov, N.S., Pustovoi, Yu.A., Filippov, S.I. and Tsygankov, V.V. (2019), *Revolutsionnye volny v ritmakh global'noi modernizatsii* [Revolutionary Waves in the Rhythms of Global Modernization], Krasand, Moscow, RUS.
10. Filippov, S.I. (2020), "Conditions of the national Elites loyalty towards the central government in the soviet period of Russian history", *Ideas and Ideals*, vol. 12, no. 4, part 1, pp. 230–248. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-230-248.
11. Filippov, S.I. (2023), "Conditions of Loyalty of the Military-Service, Commercial and Industrial Administration to Central Power", *Ideas and Ideals*, vol. 15, no. 2, part 2, pp. 391–408. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-391-408.
12. Rozov, N.S. and Filippov, S.I. (2023), "Elites' Loyalty to the Central Government: General Patterns and Peculiarities of the Institutional Context", *Tomsk State Univ. J. Ser. Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 77, pp. 193–203. DOI: 10.17223/1998863X/77/16.
13. Weber, M. (2016), *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehender Soziologie, in 4 Bänden, Band 1, Soziologie*, Transl. by Ionin, L.G. (ed.), Izd-vo HSE, Moscow, RUS.
14. Selitskii, A.I. (2003), "Polish Gentry in the Social and Legal System of the Russian Empire", *Poles in Russia: XVII–XX Centuries, Proc. of the Int. Scientific Conf.*, Krasnodar, RUS, 10–11 July 2002, pp. 113–116.

15. Mininkov, N.A. (1996) *Donskoye kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the Late Middle Ages (until 1671)], Izd-vo Rost. un-ta, Rostov n/D, RUS.

16. Bgazhnokov, B.Kh. (1981), "Lifestyle of the Adyghe feudal nobility", *Iz istorii feodal'noi Kabardy i Balkarii* [From the History of Feudal Kabarda and Balkaria], Elbrus, Nalchik, USSR, pp. 78–104.

17. Lur'e, L.Ya., (2018), *Peterburg nakanune revolyutsii* [Petersburg on the Eve of the Revolution], Bombora, Moscow, RUS.

18. Leskinen, M.V. (2002), *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noi ideologii Rechi Pospolitoi* [Myths and images of Sarmatism. Origins of the national ideology of the Polish-Lithuanian Commonwealth], Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, RUS.

19. Derlug'yan, G.M. (2013), *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temy* [How this World Works. Sketches on Macrosociological Topics], Izd-vo in-ta Gaidara, Moscow, RUS.

20. Nefedov, S.A. (2010), *Istoriya Rossii. Faktornyi analiz: V 2 t. T. I. S drevneishikh vremen do Velikoi Smuty* [Russian History. Factor Analysis. Vol. I. From Ancient Times to the Time of Troubles], Territoria budushchego, Moscow, RUS.

21. Kostyashov, Yu.V. (2012), "General Ivan Croat - Serbian adventurer in Russian service (second half of the 18th century)", *Slavynovedenie*, no. 2, pp. 34–41.

22. Vvedenskii, A.A. (1962), *Dom Stroganovykh* [House of the Stroganovs], Sotsekgiz, Moscow, USSR.

Information about the author.

Sergey I. Filippov – Can. Sci. (Philosophy, 2003), Associate Professor at the Department of Romano-Germanic Philology, Novosibirsk State University, 2 Pirogova str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of 52 scientific publications. Area of expertise: social and political philosophy, loyalty, intercultural interactions.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 05.12.2024; adopted after review 10.12.2024; published online 21.04.2025.